

**Скриптизация:
откровение, укрывание и вменение бытия**

**СКРИПТИЗАЦИЯ БЫТИЯ
КАК ПРОБЛЕМА И ЖАНР ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ**

«Скриптизация бытия» — тема, которая, с одной стороны, открывает удивительно широкие горизонты философствования, а с другой — вызывает о конкретике и интеллектуальной дисциплине.

В последнее время наблюдается резкий рост философских публикаций исповедального характера, воспоминаний. Даже в массовой литературе очевиден устойчивый рост интереса читателей и издателей к такого рода литературе. Как известно, у некоторых авторов прошлого (давнего и не очень) скриптизация — главное содержание творчества. Достаточно в этой связи вспомнить имена Б. Паскаля, С. Киркегора, В.В. Розанова, Ф.М. Достоевского, М.М. Пришвина, Я.М. Друскина...

Представляется, назрела необходимость конкретного разговора как о самом феномене скриптизации, так и ее способах, «жанрах» — таких, как дневник, воспоминания, хроники, «летописи», исповедь, письма, «истории по жизни»

Редакция предложила группе авторов — специалистов по философии языка, культуры и личности, логике, психологии — попытаться осмыслить феномен скриптизации. Вниманию авторов был предложен широкий круг вопросов. Относится ли и в какой степени персоналогическая скриптизация бытия к философской культуре? Является ли она способом философствования? И если является, то при каких условиях она может быть отнесена именно к философии?

Как соотносятся скриптизация и вербализация? Скриптизация и мышление, концептуальная деятельность интеллекта? Различные жанры скриптизации бытия — это творчество? Если нет, то — что? Не является ли скриптизация не столько фиксацией бытия, сколько его порождением, «вызыванием» (потенцированием, «овозможниванием»)? Насколько имеет отношение к скриптизации опыт словотворчества, например сетевой проект «Дар слова» М. Эпштейна, «Проективный философский словарь»? Как соотносятся опыты скриптизации бытия и «жизнетворчества» (Г. Гачев, М.М. Пришвин и др.)? Не является ли скриптизация преимущественно именно опытом самопознания, самособирания и самосохранения? Не являются ли опыты персоналогической скриптизации бытия «отталкивающим самообожанием» (И.С. Соколов-Микитов о М.М. Пришвине), самозванством, от которого отговаривал Б.Пастернак («не надо заводить архива, над рукописями трястись...»)?

Насколько откровенны могут быть опыты скриптизации бытия относительно описываемых фактов, упоминаемых других лиц, самого автора? (Ср. опыты М.М. Пришвина, Г.Л. Тульчинского.) На-

сколько уместно «вызывание имен», «оживление» лиц, голосов других людей? Или публикация дневников, воспоминаний, исповедей и прочих «историй по жизни» допустима только «не в этой жизни» автора и его персонажей? Или скриптизация бытия — сознательная провокация, создающая новую ситуацию, новую реальность, новые отношения? Тогда она — некий проект, не только фиксация бытия, но и его формирование, создание новых отношений. И тогда это дело не только «проективных словарей», но и любой публикации откровенных и не очень дневников, исповедей, воспоминаний и т.д.

Возможна ли бесстрастная скриптизация бытия? Можно ли избежать суда, оценок ситуаций, людей? Представляется, что, в силу принципиальной персонологичности скриптизации, — такое невозможно. Но тогда где и в чем мера такого авторского суда? Не возникает ли опасность использования жанров скриптизации бытия для манипулирования, сведения счетов, мести, шельмования, травли и т.п.? Открывают ли новые информационные технологии и средства коммуникации (например, блоги, «Живой Журнал») дополнительные или какие-то принципиально иные возможности скриптизации бытия?

Думается, что в итоге получилась довольно панорамная картина, придающая проблеме скриптизации некий объем. В работах А.Н. Алексеева и Г.В. Иванченко проявляется главный нерв скриптизации, главная ее альтернатива — что такое скриптизация: способ укрывания субъективности бытия или наоборот — его откровенность? М.С. Уваров обращает внимание на опасность иллюзорности исповедальной откровенности, за которой может скрываться самозванческая манипуляция. Г.Л. Тульчинский пишет о неоднозначных социальных последствиях откровенности ряда жанров скриптизации. А.П. Люсый и К.С. Пигров обращают внимание на рефлексия как обязательность любого философствования, как самоорганизацию души и мысли, в результате чего скриптизация предстает в качестве «самосознания письмом». А С.Н. Егоров делает важное напоминание — за актами скриптизации, прежде всего, стоит мышление, концептуализирующая работа сознания. Завершается подборка мощным раскрытием перспектив темы, развитым М.Н. Эпштейном, нарисовавшим эсхатологическую картину растворения субъекта в информационных кодах и сетях.

Авторам была предоставлена возможность ознакомиться с работами коллег и откликнуться на содержащиеся в них идеи — то ли возражениями, то ли дополнением и развитием этих идей. И в ближайшем номере мы надеемся представить получившийся некий итоговый «круглый стол».

Мы предлагаем нашим читателям и авторам принять участие в этой дискуссии. В случае достаточно явного резонанса публикуемых материалов редакция готова вернуться к теме скриптизации на новом уровне.

*Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ,
руководитель проекта*